

Глава VII

Визит Петра I к Альберту Себе в 1716–1717 гг. Покупка коллекции Рюйша

Зимой 1716–1717 гг. царь снова провел несколько месяцев в Амстердаме, почти через двадцать лет после первого посещения Голландии. Он хотел провести здесь переговоры с европейскими дипломатами, чтобы приблизить заключение мира со Швецией. Петр вел войну со Швецией с 1700 г. за господство на Балтике, и русские войска стояли на огромной территории по берегам моря, включая даже Данию. Эта война была чрезвычайно дорогостоящей.

Петр I в Амстердаме в 1716–1717 гг.

В Амстердаме Петр выделил время для того, чтобы, как и в 1697–1698 гг., посетить коллекционеров. Русский посол князь Б.И. Куракин и русский торговый агент Кристоффель Брантс поспешили навстречу царю, двигавшемуся со стороны Германии. Они встретились 2 декабря 1716 г. в Амерсфорте. Екатерина, официально ставшая супругой Петра в 1712 г., остановилась недалеко от нидерландской границы в Германии. Она была беременна и хотела ехать следом за Петром по-медленнее. Петр, Арескин и еще несколько господ из свиты царя добрались до Амстердама уже поздним вечером. Первую ночь царь провел в доме своего торгового агента Кристоффеля Брантса, на канале Кейзерсхрахт недалеко от Волвенстраат, прямо напротив здания общества «Felix Meritis», потому что отказался остановиться в гостинице на Кловенирсдулен, лучшей в городе. На следующий день Петр до конца своего пребывания в Амстердаме поселился в доме русского торгового агента Осипа Соловьева¹, который сам на это время перебрался на дачу близ леса Харлеммерхаут. В честь приезда царя в городском театре была сыграна трагедия Вондела «Гейсбрехт ван Амстел». На следующий день Петр посетил верфи Адмиралтейства и Объединенной Ост-Индской компании. Впрочем, в нашу

1 О. Соловьев снимал дом по адресу Херенхрахт, 527. Внутри на стенах была обивка, потолки и каминны украшены живописью. Владелец дома писал, что в результате пребывания в доме «русского Императорского Величества дом и двор были так повреждены, что на ремонт и восстановление пришлось выложить из своего кошелька несколько тысяч гульденов». Цит. по: *Spies P. e.a. Het Grachtenboek*. Den Haag, 1993. P. 160.

задачу не входит описывать все пребывание царя в Амстердаме², остановимся лишь на некоторых моментах, важных для нашего дальнейшего рассказа, таких как посещение коллекционеров, фабрикантов и изобретателей.

Посещение коллекции Якоба де Вильде.

Знакомство с возможностями иллюстрированного каталога коллекции

13 декабря 1716 г. царь посетил кабинет Якоба де Вильде (1645–1721). В 1697 г. Петр почтил его визитом в этот же день, о чем свидетельствует его имя рядом с обеими датами в Книге посетителей³. Объяснение такого совпадения найти нетрудно: 13 декабря праздновался канун дня рождения хозяина (14 декабря).

Якоб де Вильде, занимавший важный финансовый пост в Адмиралтействе, устроил позади своего дома по адресу Херенхрахт, дом 333 большой музей. За этим домом на канале находилось большое здание, примыкавшее к тыльной стороне домов 335 и 337. В нем и размещался знаменитый *Museum Wildeanum*. Здание стало собственностью Де Вильде в 1708 г. Здесь были выставлены коллекции картин, монет и медалей, античной скульптуры малых форм и математических приборов. Хозяин охотно рассказывал посетителям о том, что нет ни одной звезды, которую он не вычислил бы. Из Книги посетителей кабинета Якоба де Вильде, хранящейся в настоящее время в Муниципальном архиве Амстердама (FA de Wilde), мы узнаем, что с 1690 по 1720 г. честь расписаться в книге Де Вильде выпала 700 посетителям⁴.

Подобные частные музеи, или кабинеты, посещали не только друзья и знакомые владельца, но и другие заинтересованные лица, как голландцы, так и иностранцы, те, кто через общих знакомых был рекомендован хозяину. Кабинет Левинуса Винсента можно было осмотреть и без рекомендации, зато за умеренную плату. Знатных посетителей и не только их обычно просили сделать запись в Книге посетителей.

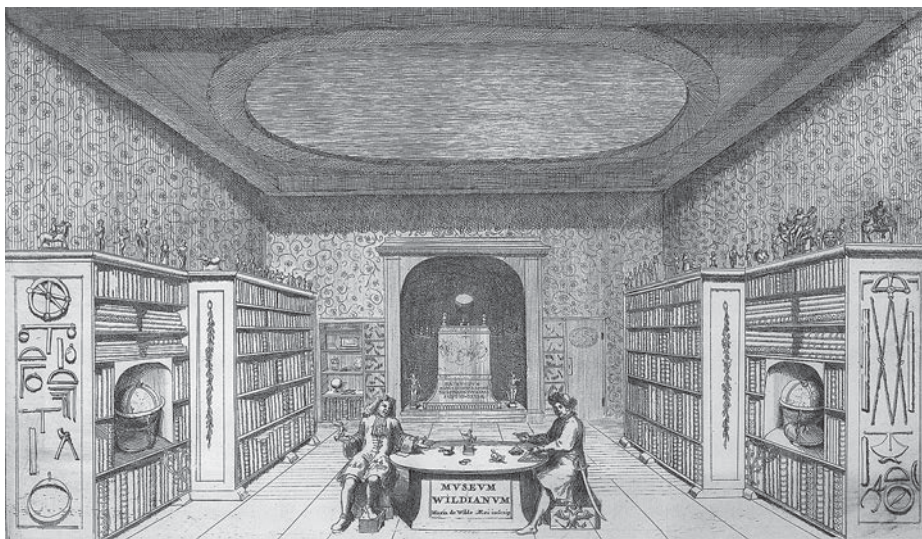
В тот вечер дочь хозяина дома преподнесла Петру написанный ею двойной портрет — его самого и Якоба де Вильде, сидящих в кабинете ее отца 13 декабря 1697 г. Гравюра с этого портрета напечатана в иллюстрированном описании коллекции гемм Якоба де Вильде «*Gemmae selectae Antiquae e Museo Jacobi de Wilde*»⁵.

2 На данную тему в Монреальском университете защищена магистерская диссертация: *Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–98 and 1716–17 as seen in light of the Dutch sources. MA-thesis McGill University Montreal. 1969.*

3 В Нидерландах одна тетрадь этой книги долгое время считалась утраченной. Из общего оглавления Книги посетителей было ясно, что отсутствовала именно тетрадь с автографами Петра и его свиты. Однако оказалось, что эта тетрадь хранится в Петербурге, в Библиотеке Академии наук: Тетрадь из Книги посетителей музея Якоба де Вильде в Амстердаме. Амстердам, 1697–1716. Бумага, 4 листа ин-кварти. Библиотека РАН. НИОР. Петровская галерея. 29/1.

4 См.: *De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rareitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 278, 332.*

5 *Gemmae selectae Antiquae e Museo Jacobi de Wilde. Amsterdam, 1703.* («Избранные античные геммы в музее Якоба де Вильде»).



Посещение Петром I музея Якоба де Вильде. 13 декабря 1697 г.

Гравюра Марии де Вильде.

Музей Амстердама

Обрадовавшись портрету, царь отблагодарил Марию де Вильде, подарив ей украшение⁶. Мария де Вильде и царь учились гравировальному искусству у одного учителя, Адриана Шхонебека, создавшего другие гравюры для книги «*Gemmae selectae...*».

Каталог гемм Якоба де Вильде был прекрасным образцом тех возможностей, которые предоставляло гравировальное искусство в сочетании с книгопечатанием для ознакомления большого числа любителей с коллекцией. Иллюстрированный каталог был мощным средством для расширения круга интересующихся и для повышения степени доступности знаний. Гравюры позволяли коллекционерам глубже изучать геммы в своей коллекции путем сравнения их с другими. Петр взял книгу с собой в Петербург и хранил ее в своей библиотеке.

Посещение Альберта Себы

Из писем мы узнаем, что Петр посетил и Альберта Себу. Царь познакомился с человеком, у которого купил для своей Кунсткамеры самую большую на тот момент естественноисторическую коллекцию. После отправки этой коллекции в Петербург аптекарь сразу же принялся собирать новую, которую царь и решил осмотреть.

⁶ *Eeghen I.H. van. De verzameling van Jacob de Wilde of het Museum Wildeanum op Keizersgracht 333 // Jaarboek Amstelodamum. 1951. No. 38. P. 87.*

Письма

В первый день Рождества блистательное общество прибыло в Немецкую аптеку — дом на Харлеммерстраат, где жил и торговал лекарствами Себа. Царь в сопровождении нескольких высокопоставленных особ провел за разглядыванием собрания Себы более двух часов. Об этом визите царя владелец коллекции написал восторженный отчет Шумахеру⁷. Петр заинтересовался препаратом очень маленького гвинейского оленя. По словам Себы, это был «самый маленький олененок, когда-либо виденный в нашей стране». Царь предложил Себе сто золотых дукатов, если тот достанет для него такого же олененка. И еще Петр был поражен редким олененком-уродцем, родившимся с двумя головами. Это был препарат, изготовленный Рюйшем. Он принадлежал Теодору Гюйгенсу, члену городского совета и бывшему правителю Амстердама, и был взят Себой во временное пользование. Царь чрезвычайно им заинтересовался и в октябре 1718 г. дал Себе «*liber order*» — поручение выкупить его у Гюйгенса за любую цену⁸.

Мы видим, что царь особенно восхищался исключительными редкостями — необыкновенно маленьким олененком и двухголовым олененком.

После посещения царя Себа предложил Шумахеру послать ему в следующем году еще что-либо из новой коллекции, чтобы дополнить свою первую коллекцию, уже находившуюся в Петербурге. Еще раньше, до визита Петра, у Себы побывал Арескин, чтобы обсудить поставки в придворные аптеки⁹. Во время одного из этих двух визитов Арескин высказал свое восхищение японскими вазами, о которых говорилось выше.

Болезнь Петра и мирные переговоры

27 декабря 1716 г., вскоре после визита к Себе, Петр заболел. 10 января Екатерина приехала в г. Везель, недалеко от нидерландской границы. 14 января она родила сына Павла. Обрадованный Петр попросил Генеральные Штаты выступить в роли крестного отца, но через два дня Павел умер. Екатерине потребовалось довольно много времени, чтобы оправиться после родов и приехать в Амстердам.

Петр проболел больше месяца, из-за чего приготовления к переговорам о мире были приостановлены. Царь выздоровел только к 10 февраля 1717 г. Он рассчитывал встретиться в Нидерландах с королем Англии Георгом I

7 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 декабря 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 38–39.

8 «По поводу олененка с двумя головами мы с г-ном Гюйгенсом еще не пришли к соглашению, теперь, имея *liber order*, я его получу, но буду действовать потихоньку, так как время позволяет». Письмо А. Себы Р. Арескину. На нем. яз. 11 октября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 67–68.

9 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 29 октября 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 38–39.

(1660–1727), вступившим на английский престол в 1714 г. Возвращаясь из своих владений в Германии, Георг задержался во Влардингене в ожидании благоприятного ветра, чтобы доплыть до Англии¹⁰. Однако король Георг отказался встретиться с Петром. Он узнал о заговоре против него, в который якобы был вовлечен и русский царь. 1 февраля 1717 г. в Лондоне были перехвачены письма, в которых упоминался Роберт Арескин как человек, возможно, сообщавший Петру о планах заговорщиков¹¹. Об этом писалось во всех газетах. Петр и Арескин утверждали, что ни о чем не знают. Но это не помогло. Георг I заявил, что согласится разговаривать с царем только после того, как тот отведет свои войска из Дании, Германии и Прибалтики¹².

Отношение голландских торговцев к Петру было очень доброжелательным. В Амстердаме крупные купцы, торговавшие с Россией, устраивали в его честь приемы. Так, 28 февраля Петр с Екатериной побывали в загородном доме Кристоффеля Брантса на р. Вехт, который назывался «Петербург». 2 марта царь с царицей вернулись в Амстердам. 9 марта Петр был принят Генеральными Штатами в Гааге¹³. К Петру обращались по-голландски, и он отвечал по-голландски. Но большой пользы этот прием Петру не принес. Голландцы предпочитали сохранять нейтралитет в конфликте между Россией и Швецией, чтобы иметь возможность торговать и с теми и с другими. За Петра переговоры вел Б.И. Куракин. Он предложил голландским купцам более благоприятные условия торговли, если они поддержат претензии России на бывшие шведские территории, но ничего этим не достиг. Единственное, чего он добился от голландцев, это обещания оплатить расходы по пребыванию Петра в их стране — 78 000 гульденов¹⁴.

После Гааги Петр заехал в Лейден, где в университетской библиотеке осмотрел знаменитую «*sphaera movens*» Гюйгенса.

У Петра нашлось также время для посещения шелковой фабрики Давида Моллема (1670–1746). Для монархов монополия на производство шелка была в то время источником доходов. В Бранденбурге шелковая промышленность, налаженная по совету Лейбница, приносила большие доходы.

10 После смерти королевы Анны ее преемницей должна была стать внучка Якова I София Пфальцская, мать Георга I. Но к моменту смерти королевы Анны София уже умерла, поэтому 12 августа 1714 г. королем Англии стал ее сын Георг. Во Франции имелся другой претендент на престол, сын короля Якова II, католик. Швеция, получавшая субсидии от Франции, пыталась возвести его на английский престол.

11 Брат Роберта Арескина сэр Джон Эрскин, племянник сторонника Иакова Джона Эрскина, графа Мара, в 1716–1717 гг. был посредником в переговорах шотландских сторонника Иакова со шведским правительством. См.: *Murray J.J. George I, the Baltic and the Whig split of 1717: a study in diplomacy and propaganda. L., 1969.*

12 Об этом писалось в газетах «*Europische Mercurius*», «*Amsterdamse Courant*». Цит. по: *Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces... P. 43–45.*

13 Выдержки из дневника Петра Великого // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182. Л. 152 об.

14 Резолюции Генеральных Штатов 23 марта 1717 г. Цит. по: *Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces... P. 48.*

Посещение коллекции Фредерика Рюйша

Царь еще раз осмотрел коллекцию Фредерика Рюйша. Теперь он при встрече пожал Рюйшу руку и сказал: «Ты ведь все еще мой учитель, не правда ли?»¹⁵ В двух сохранившихся Книгах посетителей Рюйша об этом визите, в отличие от первого посещения в 1697–1698 гг., не осталось записей ни Петра, ни Арескина. Однако Арескин несомненно беседовал с Рюйшем. В одном из писем, позднее опубликованных анатомом, он ссылается на дискуссию с Арескиным, «лейб-медиком царя», который «ранее задавал вопросы о человеческой сперме»¹⁶.

Когда именно было принято решение купить всю коллекцию Рюйша, неизвестно. В середине марта из Парижа приехал двадцатичетырехлетний Л. Блюментрост. Он остановился в доме у «Юлиона на Пейпенмаркт [рынок курительных трубок] под вывеской “Герцог Марльборо”»¹⁷. Он приехал в Амстердам как раз вовремя, чтобы застать Арескина, тут же переложившего на него задачу приобретения коллекции. В начале апреля переговоры с Рюйшем еще не закончились, но из Франции пришло долгожданное сообщение, что французский регент охотно встретится с царем.

Как только русские дипломаты сообщили эту хорошую новость из Парижа, Петр немедленно отправился вместе с Арескиным ко французскому двору. Там с 1715 г. правил благоразумный Филипп II, герцог Орлеанский, регент пятилетнего Людовика XV (1710–1774), ставшего королем после смерти Людовика XIV, приходившегося ему дедом. Жену Екатерину Петр оставил в Амстердаме. Он считал, что при французском дворе его жене с ее простым происхождением не будут рады. В Республике бюргерства ее происхождение от простого горожанина никому не мешало, а во Французском королевстве аристократия играла свою роль и чтילה происхождение. 6 апреля 1717 г. Петр со свитой во Флиссингене взошел на корабль. Л. Блюментросту поручили завершить дела с Рюйшем.

Упаковка и отправка коллекции Рюйша

О том, как производилась упаковка и как осуществлялся контроль за экспонатами коллекции Рюйша, мы узнаем не только из писем Себы и черновиков переписки Шумахера, но и из писем Лаврентия Блюментроста и нотариального акта, заключенного в Амстердаме, копия которого хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Лаврентий Блюментрост, только что завершивший образование в Париже, подписал договор купли-продажи в качестве царского придворного врача вместе

15 Письмо Фр. Рюйша царю опубликовано в кн.: *Бакмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук / Пер. с фр. яз. Василия Костыгова. [СПб.], 1779. С. 110–112.

16 *Ruysch Fr.* Opera omnia anatomico medico chirurgica. Nunc usque edita. Quorum elenchus pagina sequenti exhibitur, cum figuris aeneis. Amsterdam, 1727. Dl. IV. P. 17.

17 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 14 марта 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 40–41.

с Альбертом Себой в качестве уполномоченного лица Арескина. Рюйш подписал контракт о продаже своего кабинета 8 апреля 1717 г. Контракт был оформлен у нотариуса Абрахама Тсевена.

Оплата кабинета Рюйша

Сумма 30 000 гульденов, требовавшаяся для покупки кабинета, была по тогдашним меркам гигантской. А. Себе, посылавшему в Россию лекарства для придворных аптек на соизмеримую сумму, иногда приходилось ждать ее выплаты по несколько месяцев. Как же происходила оплата покупки кабинета Рюйша?

Письма

До отъезда в Париж Р. Арескин вручил А. Себе ассигнацию-вексель на 30 000 гульденов, чтобы тот заплатил за кабинет Рюйша полученными по ней деньгами. Но, когда Себа принес эту ассигнацию указанному в ней лицу, Питеру Генелону¹⁸, тот сказал, что срок уплаты по полученным им векселям истекает более чем через шесть недель. Поэтому он не считал себя обязанным платить досрочно. Но Себа, надеявшийся получить от него деньги сразу же, уже взял на себя обязательство оплатить коллекцию в течение шести недель¹⁹. Таким образом, уже через неделю после подписания контракта возникли проблемы со своевременной оплатой. Арескин находился в Париже, и Себа оказался в затруднительном положении.

Упаковка кабинета Рюйша

Об этих трудностях Себа сообщил Арескину. Одновременно он сообразил, что еще не было никаких договоренностей насчет транспортировки кабинета. 15 апреля 1717 г. он спрашивал у Арескина, можно ли послать кабинет Рюйша вместе с заказом для Адмиралтейской аптеки и следует ли его застраховать на транспортировку до Петербурга²⁰.

После подписания договора купли-продажи А. Себа с Л. Блюментростом в течение недели каждый день ходили в дом Рюйша, чтобы упаковывать предметы его коллекции в ящики для пересылки в Санкт-Петербург. Но процесс шел медленно, потому что ни Рюйш, ни кто-либо из его слуг или домашних им не помогал. А без этой помощи они не знали, что представляют собой те или иные предметы. Герман Бургаве, некоторое время назад также занимавшийся поисками покупателей для коллекции Рюйша (он хотел, чтобы ее купило Лондонское королевское общество), заранее предупреждал Блюментроста, что Рюйш не будет помогать: «Il ne dérobera une épingle, je le connais» — «Он не поднимет и булавки,

18 Мы уже познакомились с Генелоном в 1699 г., когда он давал советы русскому врачу Постникову о закупке лекарств. Генелон был деверем Якоба де Вильде.

19 Письмо А. Себы Р. Арескину. 15 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 44–45.
20 Ibid.

я его знаю»²¹. Кроме того, несколько раз случалось, что Себа и Блюментрост, придя утром работать, не могли войти в помещение, где хранилась коллекция, потому что не было никого, кто открыл бы дверь. В итоге они так рассердились, что решили обратиться к тому же нотариусу, который составлял договор о купле-продаже. Вместе с нотариусом и еще троими свидетелями они отправились к Рюйшу. Того не было дома. Дверь им открыла его жена Мария Пост.

«17 апреля 1717 г. Абрахам Тсевен, нотариус, имеющий лицензию на право нотариальной деятельности от Верховного Суда Голландии, посетил в Амстердаме дом г-на Рюйша, который отсутствовал. Он вручил супруге г-на Рюйша жалобу. Господа жалобщики заключили 8 апреля договор купли-продажи анатомических препаратов, ботанических, морских и прочих редкостей, относительно чего составлен нотариальный акт. В нем указано, что г-н Робертус Арескин за плату получит письменные указания, как и каким образом редкости следует препарировать и сохранять. Указания в запечатанном виде, написанные собственной рукой Рюйша, будут вручены Альбертусу Себе или нотариусу как нейтральному лицу в тот момент, когда будут переданы редкости и деньги за них.

Во время упаковки при сравнении с напечатанными каталогами жалобщики обнаруживают, что некоторые редкости отсутствуют. Они также жалуются, что при упаковке никто: ни сам Рюйш, ни его люди — не помогают им, чтобы письменно указать названия редкостей и пояснить их.

Они жалуются, что, когда приходят утром в обычное время, они не получают допуска к редкостям, что не позволяет им работать. Они просят дать им ключи от комнат, где хранятся редкости, или запечатывать комнаты всякий раз после их ухода, чтобы они имели туда доступ в надлежащее время.

В договоре купли-продажи также указано, что Рюйш никому на свете не сообщит и не откроет и не даст инструкций о том, каким образом редкости были препарированы и сохранены. Если Рюйш сообщил тайну, например, своему сыну или кому-то еще, то будет потребовано возмещение ущерба»²².

Эта жалоба была зачитана госпоже Рюйш, и нотариус Абрахам Тсевен вручил ей копию в присутствии трех свидетелей.

Секрет Рюйша

Копия договора купли-продажи была послана Арескину в Париж. Он написал Блюментросту, что одобряет этот договор. Однако он высказал свое недоумение

21 Boerhaave's correspondence / Red. G.A. Lindeboom. Leiden, 1962–1979. Dl. III. P. 176. Цит. по: *Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша...* С. 273.

22 Akte waarin Abraham Tzeewen verklaart samen met L. Blumentrost en A. Seba bij de huisvrouw van F. Ruysch te hebben geprotesteerd tegen het feit dat hen toegang tot de aangekochte collectie geweigerd werd (Акт, в котором Абрахам Тсевен заявляет вместе с Л. Блюментростом и А. Себой о протесте, высказанном жене Фр. Рюйша против того, что им закрывают доступ к купленной коллекции). 17 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–6 об.

по поводу того пункта, в соответствии с которым Рюйш должен будет открыть Блюментросту секрет своего метода препарирования и консервации.

Блюментрост поспешил объяснить Арескину, что данное условие было включено в договор на всякий случай: вдруг Арескин не сможет вернуться в Амстердам, ведь его передвижение зависит от планов царя, и Рюйш тогда не откроет ему, Блюментросту, свой секрет. Блюментрост, всерьез опасаясь, что Арескин неправильно понял этот пункт, заверял его, что дружба с ним для него, Блюментроста, намного важнее, чем какие бы то ни было секреты²³.

Между тем Себа уже тоже знал, что Арескин не хочет, чтобы Блюментрост узнал секрет. Поэтому он, в свою очередь, поспешил заверить Арескина, что данный пункт был включен в договор исключительно по инициативе Блюментроста. Он успокаивал Арескина, что Блюментрост до сих пор ничего не знает и ничего не пытается выпытать у Рюйша. Себа писал, что с Рюйшем было договорено, что он изложит свою тайну письменно и в запечатанном виде передаст ему (см. ниже копию договора во второй версии). Себа сообщал Арескину, что после жалобы, переданной через нотариуса, Рюйш и его семья начали сотрудничать с ними и хорошо помогают. Он надеется, что все редкости будут упакованы за две недели²⁴.

Второй договор с Рюйшем

8 апреля 1717 г. к нотариусу Абрахаму Тсевену пришел господин «Фредерик Рюйш, профессор анатомии и медицины, с одной стороны, и господа Лаврентий Блюментрост, придворный медик его Царского Величества Великороссии, и Альберт Себа, аптекарь в этом городе, имеющий письменное поручение и приказ от господина Робертуса Арескина, советника и первого лейб-медика вышеуказанного Царского Величества, с другой стороны»²⁵.

Далее в контракте говорилось, что Фредерик Рюйш продает Л. Блюментросту и А. Себе все препараты анатомические, ботанические и морских растений, а также прочие редкости, все без исключения, за сумму 30 000 гульденов на следующих условиях: Рюйш передаст покупателям редкости и секрет их изготовления, то есть данные о том, как следует препарировать и консервировать редкости, которые господин Себа в письменном виде вручит Арескину. Также Рюйш передаст

23 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 26 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–48.

24 Письмо А. Себы Р. Арескину. 29 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 49–50 об.

25 Kopie van een contract waarin Frederik Ruysch, professor anatomie en medicijnen, aan Laurentius Blumentrost, hofarts van de tsaar, en Albert Seba, apotheker, gemachtigd door Robert Areskine, raad en eerste lijfmedicus van de tsaar, belooft alle anatomische, botanische en zeegewassen, alsmede het geheim van hun bereiding te zullen overleveren, opgesteld door notaris Abraham Tzeewen (Копия договора, в котором Фредерик Рюйш, профессор анатомии и медицины, Лаврентию Блюментросту, придворному медику царя, и Альберту Себе, аптекарю, уполномоченному Робертом Арескиным, советником и лейб-медиком царя, обещает передать препараты анатомические, ботанические и морских растений, а также секрет их приготовления, составленный нотариусом Абрахамом Тсевеном). Амстердам, 23 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 69. Л. 7–9.

Блюментросту инструкцию, каким образом нужно препарировать и как осуществлять консервацию. Рюйш возьмет на себя обязательство никому более эти секреты не передавать, не получив на то разрешения Арескина. Далее стороны договариваются о том, что 25 000 гульденов будут заплачены в течение шести недель или ранее, без скидки. Оставшиеся 5000 будут выплачены сразу после передачи последних редкостей. Гарантом по этой сумме выступает А. Себа, обязующийся оплатить эту сумму как собственный долг.

Состав кабинета Рюйша

Во время ажиотажа вокруг «секрета» Себа и Блюментрост продолжали интенсивно работать. В распоряжении Блюментроста были списки первых десяти кабинетов, опубликованные Рюйшем в «Анатомических тезаурусах» I-X в Амстердаме с 1701 по 1716 г. У него был также «готов каталог четырех других кабинетов, ранее не описанных»²⁶. Он уже начал заниматься упаковкой предметов и 26 апреля надеялся закончить ее за две-три недели. В списке, составленном Блюментростом, были перечислены все экспонаты, имевшиеся в кабинете Рюйша, «как анатомические, так и имеющие отношение к животным»²⁷. Оставалось упаковать только бабочек и раковины, но из-за их огромного количества составить опись не было возможности. Поэтому Блюментрост их просто-напросто сосчитал и упаковал. 13 мая 1717 г. основная часть коллекции уже была упакована, и Блюментрост считал, что ему потребуется еще шесть-семь дней, чтобы завершить работу²⁸. Рюйш не помогал. Оттого ли, что ему было тяжело прощаться со своей коллекцией, или он был болен, или занят другими делами? Если он был не в состоянии помогать сам, то почему не помогала его дочь, которая проводила для Петра экскурсию по собранию в 1698 г., или еще кто-нибудь хорошо знакомый с коллекцией? Из рассказа о том, как упаковывалась коллекция, мы узнаем, что Рюйш продал не только те 10 кабинетов, описания которых были опубликованы в каталогах, но и четыре новых, еще не описанных. Если эти последние были заполнены препаратами в той же мере, что и первые десять, то 414 доставленных в Петербург препаратов не были каталогизированы. Блюментрост записывал все, что упаковывал, тем самым составляя свой каталог. Думаю, это и есть две черные тетради, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. IV. Оп. 1. Д. 108 а. 78 л. (чистовая рукопись) и № 108, приблизительно столько же листов (черновая рукопись).

26 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 26 апреля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–48.

27 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 53–54 об.

28 В январе 1698 г. перед отъездом в Англию Петр подарил дочери Рюйша, показывавшей ему анатомическую коллекцию, две пары собольих шкур стоимостью 10 рублей и две пары стоимостью 8 рублей. См.: *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // *Петр Великий: Сб. ст. / Ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1947. С. 22.* Люк Койманс указал мне на тот факт, что в январе 1698 г. у Рюйша дома жили три его незамужние дочери.

Коллекция Рюйша состояла не только из анатомических препаратов и препаратов животных. В нее входили еще 34 гербария, собранных Рюйшем за три года, пока он работал профессором ботаники, «как местные, так и иноземные, аккуратно мною высушенные и сохраненные <...> в шкафах E и F»²⁹. Эти гербарии также были отправлены в Санкт-Петербург. Позднее, когда по экспонатам Кунсткамеры создавались рисунки, то растения из гербариев Рюйша тоже были запечатлены на бумаге, но их изображения не обнаружены³⁰.

Пересылка кабинета Рюйша

В конце апреля 1717 г. Арескин прислал из Кале указание повременить с отправкой кабинета в Петербург, если туда не будет прислан конвой, до дальнейших распоряжений. В начале мая Себа ответил Арескину, что в этом году конвоев в Петербург больше не будет. Он рекомендовал разделить те 50–60 ящиков, в которые был упакован кабинет, и для безопасности послать их на двух или трех кораблях. Себа знал, что в Петербург снаряжаются три корабля, в тот момент еще принимавшие груз, одним из которых был «быстроходный фрегат с тридцатью пушками», но, поскольку приказа от Арескина еще не было, он ждал отправку. Себа воспользовался случаем и спросил Арескина, надо ли застраховать груз³¹.

Между тем приближался срок платежа. По договору Рюйш должен был получить 25 000 гульденов сразу после передачи коллекции. Себа и Блюментрост были в весьма затруднительном положении, так как Генелон все еще отказывался платить. Он постоянно искал отговорки, например заявлял, что не может заплатить по векселю деньги, пока не получит прямое указание от Арескина³². Генелон утверждал, что уже дважды писал Арескину, но так и не получил ответа. Ему якобы известно, что Арескин собирался приобрести на эти деньги что-то другое, и потому он ждал распоряжений лично от Арескина³³. А. Себе и Л. Блюментросту это казалось подозрительным, так как в векселе Арескин ясно написал, что указанную сумму следует выплатить без дополнительных распоряжений³⁴.

Обеспокоенные поведением Генелона, Себа с Блюментростом отправились к нему домой, чтобы выслушать его окончательное решение, но там им сказали,

29 *Ruysch Fr. Anatomisch kabinet, of naamlyst der rareyten // Ruysch Fr. Alle de ontleed-, genees- en heekkundige werken. Amsterdam, 1744. Dl. I. P. 205.*

30 «*Icones plantarum*» рисовал И.В. Люрсениус. См.: *Meijers D. The paper museum as a genre // The paper museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg. 1725–1760. Introduction and interpretation / Ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.J. Meijers, G.V. Vilinbakhov. [Amsterdam], 2005. P. 37. N. 54.*

31 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

32 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 53–54 об.

33 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

34 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 53–54 об.

что Генелон несколько дней назад уехал из города. Это известие лишило их последней надежды. Оказавшись в столь затруднительном положении, они обратились за помощью к Кристоффелю Брантсу, который осудил поведение Генелона. Тогда Себа и Блюментрост попросили Брантса потребовать от Генелона объяснений, но и из этого ничего не вышло, так как Генелон «несколькими днями раньше уединился в загородном доме»³⁵.

Брантс взялся переговорить с Генелоном, как только тот вернется в город, и убедить его выплатить деньги. Но за это время истек срок платежа Рюйшу, к тому же кабинет был почти полностью упакован, а Себа и Блюментрост были юридически обязаны заплатить за покупку сразу после передачи коллекции. Страшась позора в случае неуплаты, Себа и Блюментрост принялись отчаянно искать необходимую сумму. Брантс советовал им предложить Арескину выписать вексель «на эту же сумму для предъявления господину Лефкену»³⁶ или «подписать платежное поручение в присутствии нотариуса». Этот новый вексель можно было получить в обмен на вексель для Генелона. Таким способом они бы быстро получили деньги и сохранили доверие к себе³⁷.

17 мая Блюментрост передал письмо Арескину с графом И.А. Мусиным-Пушкиным (1661–1729), направлявшимся из Амстердама в Париж, с очередной настоятельной просьбой прислать денег для выплаты Рюйшу. Будет лучше всего, писал Блюментрост, если Арескин обратится прямо к Генелону, чтобы тот выплатил Себе необходимую сумму или дал другое поручение кому-либо передать Себе деньги, чтобы тот смог заплатить Рюйшу, который между тем передал описание своего метода препарирования и консервации в руки нотариуса³⁸.

Через десять дней Генелон «вынырнул на поверхность». После разговора с Кристоффелем Брантсом он выплатил 21 мая по векселю на 30 000 гульденов 10 000 гульденов. Себа показал ему письмо от Арескина из Парижа, на что Генелон заявил, что срок векселей еще не истек, но что он в ближайшее время заплатит полную сумму и 5000 гульденов ценными бумагами. Теперь Себа смог расплатиться с Рюйшем: «Первые 10 000 гульденов я передал Рюйшу, а также вексель на 5000 гульденов, после чего я получил заклеенный конверт с секретом»³⁹. Этот пакет с описанием секретного рецепта Себа должен был хранить до тех пор, пока не получит дальнейших распоряжений от Арескина из Парижа⁴⁰. Неделю спустя, 27 мая 1717 г., Себа все еще не имел указаний из Парижа о пересылке кабинета.

35 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

36 Не удалось выяснить, о ком идет речь.

37 Письмо А. Себы Р. Арескину. 13 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–42 об.

38 Письмо Л. Блюментроста Р. Арескину. 17 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 55–56 об.

39 Письмо А. Себы Р. Арескину. 27 мая 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 51–52 об.

40 Там же.

Интерес ученых других стран к секрету Рюйша

Новость о продаже коллекции Рюйша русскому царю распространилась по всей Европе. Все знали, что Рюйш продал в том числе и анатомические препараты, по качеству не имевшие равных и особенно поражавшие воображение других европейских специалистов по препарированию тем, что Рюйш достиг столь поразительных результатов путем впрыскивания некоего вещества, состав которого держал в глубокой тайне. Анатомы всей Европы охотились за этим рецептом, который позволил бы им создавать лучшие препараты для преподавания своей науки.

Некоторые врачи были знакомы с лейб-медиком царя Робертом Арескиным лично. Они обращались к нему с просьбой уступить им сколько-нибудь препаратов Рюйша или хотя бы поделиться с ними секретом.

Начальник почтового ведомства Франции Луи-Леон Пажо, граф д'Онз-ан-Бре⁴¹ (1678–1754), тоже интересовался препаратами Рюйша. 22 мая 1717 г. Петр I и Арескин побывали у него в гостях в Гран-Берси близ Парижа. Они весь день осматривали его коллекции⁴². Д'Онз-ан-Бре коллекционировал, кроме всего прочего, математические и физические приборы, которые вызвали у царя особый интерес⁴³. По всей видимости, Арескин и французский коллекционер говорили и о препаратах Рюйша. После отъезда Петра со свитой обратно в Нидерланды между Арескиным и д'Онз-ан-Бре завязалась переписка об астрономических приборах, которые захотел купить царь, в частности о «движущейся сфере» (*sphère mouvante*), сконструированной Жаном Пижоном (1654–1739) в Париже. Французский коллекционер сообщал Арескину об отсрочке продажи этого прибора. В этом же письме он напоминал Арескину, что тот обещал прислать ему из Голландии два рецепта: один — приготовления жидкости, в которой можно консервировать препараты, другой — вещества, которое впрыскивается в кровеносные сосуды. Он давал слово, что никому не выдаст этих рецептов и будет держать их в тайне, если Арескин выдвигает такое условие для получения этих рецептов. А он, со своей стороны, тоже пошлет Арескину рецепты, которых у того наверняка еще нет и которые его порадуют. Если Арескин пришлет ему описание препаратов в кабинете царя, то д'Онз-ан-Бре готов заранее прислать сосуды с жидкостями, которые можно раздобыть во Франции. Он примет за их упаковку, как только получит рецепты от Арескина. Француз полагал, что Арескин, прежде чем уехать в Россию, еще будет заниматься упаковкой кабинетов Рюйша. Он просил Арескина доставить ему удовольствие, прислав те предметы из коллекции, которые окажутся в двух экземплярах, а такие наверняка будут среди раковин и естественно-исторических редкостей. Эти предметы он просил упаковать в ящик и передать господину Сиксу, который отправит их

41 В письмах написание фамилии D'Ons en Bray варьируется: Douzenbray или Donsenbray.

42 *Waliszewski K. Pierre le Grand. L'éducation, l'homme, l'oeuvre d'après des documents nouveaux.* Р., 1897. Р. 408.

43 Выдержки из дневника Петра Великого // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182. Л. 161 об.; Письмо Труше Р. Арескину. 22 мая 1716 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 60–61 об.

во Францию на корабле. А в обмен д'Онз-ан-Бре обещал прислать другие ценности. Ведь Арескин осмотрел его кабинет и знает, что еще могло бы его украсить. Д'Онз-ан-Бре предлагал Арескину также смело просить у него те редкости, которые его заинтересовали: «Нас связывает переписка, способная смягчить боль разлуки»⁴⁴.

Анатом Жозеф Гишар Дюверней предложил Арескину свою помощь в приобретении для царской коллекции анатомических препаратов из воска⁴⁵. 8 мая Арескин с царем осмотрели «les curiosités anatomiques faites de cire» («анатомические редкости, сделанные из воска») ⁴⁶. Дюверней, как и Рюйш, владел искусством препарирования, однако таких результатов, как голландский анатом, добиться не смог. Он тоже проявил заинтересованность в приобретении препаратов Рюйша при посредничестве Арескина. Дюверней, о чьем искусстве препарирования Рюйш некогда заметил с сарказмом: «То, что ему известно, никому не нужно, а его препараты остаются плохими»⁴⁷, был знаком с Арескиным с тех давних пор, когда они вместе изучали ядовитых змей. Чтобы повысить свои шансы на получение препаратов Рюйша, Дюверней попытался выполнить желание Петра.

Царь хочет стать членом Французской академии наук

В 1717 г., когда Арескин был вместе с Петром в Париже, ему удалось во время визита в Лувр конфиденциально поговорить с аббатом Жан-Полем Биньоном, президентом Французской академии наук, чтобы выяснить, не может ли русский царь стать членом академии. Первый ответ был отрицательным.

После отъезда Арескина и Петра I из Парижа Дюверней попытался узнать, окончателен ли был данный отказ или академия еще может изменить свое решение. О своих попытках Дюверней в подробностях писал Арескину⁴⁸. Он несколько раз заговаривал об этом с аббатом Биньоном, подчеркивая, что царь чрезвычайно уважает Арескина и считает его своим доверенным лицом. Герцог Дантен и вся культурная элита Парижа это отчетливо поняли. После этого Биньон настойчиво попросил Дювернея «больше не возвращаться к разговору об отказе, который был дан Арескину по вопросу о почетном членстве царя». Дюверней сдержал слово, «и действительно ничего больше не стал говорить данной персоне, однако завел

44 Письмо Донсенбрея Р. Арескину. 30 июля 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 115-117 об.

45 Еще до приезда во Францию Р. Арескин узнал от Л. Блюментроста, на каком уровне там находится искусство создания восковых наглядных пособий по анатомии. Приехав в Париж, Арескин смог более основательно изучить то, что Блюментрост называл «анатомия из воска». В коллекции Кунсткамеры имеется один такой препарат.

46 Выдержки из дневника Петра Великого // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 182. Л. 161 об.

47 *Бакмейстер И.Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной... С. 110-112.

48 Письмо Ж.-Г. Дювернея Р. Арескину. 15 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 64-65 об.

об этом речь в беседе с регентом»⁴⁹. Регент высказал мнение, что царя следует принять в академию и предоставить ему преимущество в случае освобождения мест в академии во всех категориях. Регент пообещал написать письмо Биньону и выполнил обещание: Биньон показал Дювернею это письмо. «Теперь он заговорил другим языком, чем с Вами в Лувре», — радовался Дюверней такому ходу дел и надеялся, что Арескин тоже будет доволен. Дюверней попросит д'Онз-ан-Бре послать Арескину все выпуски «Мемуаров академии» — ее печатных изданий, которые успели выйти до настоящего времени.

Дюверней добился немало успеха: благодаря ему русский царь в ближайшее время станет членом Французской академии наук. Теперь он имел все основания написать Арескину, что надеется получить от русской стороны в благодарность несколько препаратов Рюйша и секрет их консервации.

Дюверней и раньше пытался заинтересовать Арескина «анатомией из воска». Теперь он спрашивал Арескина, находившегося в Ахене, принял ли он на сей счет решение. В переговорах с господином де ла Круа, изготавливающим из воска наглядные пособия по анатомии, он заручился посредничеством регента. Так что все будет в порядке, господин де ла Круа только ждет четкого заказа. Если бы он наверняка знал, что от него требуется, он бы уже начал работать, а пока он работал вполсилы в ожидании распоряжений. И после этого Дюверней переходит к сути дела. Как он пишет, Арескин «подал ему надежду на получение нескольких предметов из кабинета Рюйша»⁵⁰. Дюверней был бы этому чрезвычайно рад. Он закажет для них шкаф с надписью золотыми буквами: «Ex Dono Domini Aresquine» — «Из дара господина Арескина». Этим даром Арескин может снискать всеобщее уважение, так как «посетители всегда желают осмотреть зал со скелетами, и они увидят, что Вы [Арескин] являетесь обладателем столь богатого и блистательного анатомического кабинета». Все зависит только от Арескина, писал Дюверней, потому что «царь наверняка согласится, если Арескин убедит его, что это как ничто иное вдохновит лейб-медика на новые достижения на службе царю»⁵¹.

Тем самым Дюверней изложил все свои аргументы, так что ему оставалось лишь закончить письмо просьбой передать от него привет Рюйшу. Он хотел бы, если позволит здоровье, еще раз осмотреть все экспонаты его кабинета, прежде чем их отправят в Санкт-Петербург. Дюверней выражал надежду, что они с Арескиным продолжат переписку, и обещал Арескину «держат его в курсе всего происходящего в Анатомической республике (Republique Anatomique) и в остальной естественной истории»⁵².

49 Письмо Ж.-Г. Дювернея Р. Арескину. 15 августа 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 64–65 об.

50 Там же.

51 Там же.

52 Там же.

Царь и Арескин возвращаются в Амстердам

Через Реймс, Спа и Маастрихт царь с Арескиным добрался до Амстердама. Оттуда он первым делом отправился в имение О. Соловьева в Харлеммерхауте, где жила Екатерина, пока Петр находился при французском дворе. В Амстердаме 4 августа 1717 г. дипломаты Петра подписали договор с Францией. Франция обещала в дальнейшем не предоставлять Швеции финансовой или иной помощи, а также оказать посредничество в мирных переговорах между Россией и Швецией. Франция признавала завоевание Россией прибалтийских земель, так что цель поездки Петра во Францию была достигнута. По причине прекращения финансирования из Франции шведский король был вынужден сесть за стол переговоров.

В Амстердаме царь в последний раз посетил Николааса Витсена, который уже был смертельно болен и не вставал с постели. 10 августа Витсен умер. Он был другом России, с которым Петр поддерживал отношения в течение двадцати пяти лет⁵³.

Hortus Botanicus

За время пребывания в Амстердаме в 1717 г. царь с Арескиным четыре раза побывал в Ботаническом саду (Хортус ботаникус). Поскольку первоначально они приехали в Амстердам посреди зимы, посещение сада было отложено до более теплого времени. Лишь в те месяцы, пока Петр еще жил в Амстердаме по возвращении из Парижа (до сентября 1717 г.), для него удалось организовать посещение Хортуса⁵⁴. Царь слушал с большим интересом, пока Рюйш вел для него урок ботаники. Как мы уже знаем, первую экскурсию по амстердамскому Ботаническому саду Рюйш провел для Петра во время его первого посещения Голландии. Из растений, собранных в 1717 г. во время поездки в Голландию, царь составил гербарий⁵⁵.

Незадолго до отъезда Петр посетил Хортус ботаникус еще раз. Об этом мы узнаем из письма Марии Схаап (1658–1725), супруги Хендрика Бикера (1682–?), который в 1717 г. был амстердамским бургомистром и комиссаром Хортуса. В письме подруге она описала это посещение, имевшее место во вторник, за два дня до отъезда царя из Амстердама, 2 сентября 1717 г.

«Царь осматривает растения, деревья и полезные травы так пристально, как будто он садовник, и все, что ему нравится, записывает; он ходит как дикарь, он очень неряшлив и неопрятен, ест крайне неаккуратно, харкает и плюет прямо на ковры, а его свита ходит за ним так же без уважения; зато Царица разумна, аккуратна и знает очень много сортов трав и деревьев;

53 Gebhard J.F. Het leven van Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). Utrecht, 1881–1882. P. 514. Цит. по: Knoppers J.V.Th. The visits of Peter the Great to the United Provinces... P. 49.

54 Петр посетил Хортус ботаникус 7/17 сентября 1697 г. вместе с Рюйшем.

55 Appleby J.H. Robert Erskine – Scottish pioneer of Russian natural history... P. 379.

она очень забавлялась, рассматривая растение недотрогу, плоды которого скручиваются, едва к ним притронешься. После того как они осмотрели растения, мы снова пообедали вместе с их Царскими величествами»⁵⁶.

Из Амстердама царь отправился через Харлем и Гауду в Дордрехт, чтобы отсюда через Германию добраться до России.

Относительно транспортировки кабинета Фредерика Рюйша царь и Арескин до отъезда из Голландии так и не приняли решения. В конце сентября царь со свитой прибыл в Берлин, где Арескина ждало письмо от Себы, в котором тот извинялся, что во время пребывания лейб-медика в Амстердаме «не смог доставить ему удовольствия и радости»⁵⁷. Господин Гюйгенс и господин Клермонт⁵⁸, с которыми Себа разговаривал несколько дней назад, передавали ему привет. Уже начался сентябрь, навигация закончилась, так что до будущего года кабинет оставался в Амстердаме. Царь и лейб-медик вернулись в Петербург 10 октября 1717 г. после более чем полугодового пребывания за границей.

23 октября 1717 г. проповедник-публицист Феофан Прокопович приветствовал царя проповедью, посвященной той пользе, которую приносят приобретенные Петром знания и купленные им коллекции: «Что есть бы не иную кую давано пользу, точию самое толь многих вещей познание, и сия была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокия, которым ведение лучше всякого сокровища стажется»⁵⁹.

Отправка кабинета Рюйша

Лишь 2 мая 1718 г. Арескин отдал распоряжение отправить в Петербург коллекцию Рюйша, простоявшую в Амстердаме упакованной всю зиму 1717–1718 гг. Арескин сам написал по-немецки письмо Себе с инструкциями, полученными им от царя, по пересылке анатомического кабинета Рюйша в Петербург на кораблях, отправляющихся в летнюю навигацию. Арескин велел Себе погрузить коллекцию на несколько кораблей, застраховать и отправить прямо в Петербург. Однако ящики, в которых находятся «*antropogenia*» («человеческие зародыши») и «*diverse generationen*» («разные зародыши»), следовало отправить в Любек на самом надежном корабле и как можно скорее⁶⁰.

56 *Balbian Verster J.F.L. de. Peter de Groote te Amsterdam // Jaarboek van het Genootschap Amstelodamum. 1919. XVII. P. 40–41.*

57 Письмо А. Себы Р. Арескину. 24 сентября 1717 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 77–77 об.

58 Точно выяснить, с каким из Клермонтов — Godefridus Clermontius или Elbert Clermont jr., — переписывался И.Д. Шумахер, не удалось.

59 *Прокопович Ф.* Слово в неделю осмуонадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося // Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 64.

60 Письмо Р. Арескина А. Себе. 2 мая 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 85.

В письме не указывалось, какую стоимость кабинета А. Себе следует заявить в таможенных документах. Все прекрасно знали, сколько Арескин заплатил за коллекцию⁶¹, но все же Себа еще 18 марта спрашивал у Арескина, какую цену надо назвать, чтобы не возникло лишних затруднений⁶². Незадолго до отправки коллекции на помощь А. Себе неожиданно пришел знакомый Арескина пастор Клермонт. С этим человеком, который помогал также с покупкой и пересылкой в Петербург книг, Себа обсудил волновавший его вопрос. Клермонт дал ему хороший совет, о чем мы узнаем из письма Клермонта к Арескину, где он рассказывает о ходе дел на таможне. Более того, Клермонт даже взялся переговорить со своим покровителем генералом таможенного ведомства господином Бейсом, сыном пенсионария Амстердама Виллема Бейса (1661–1749), бывшим послом во Франции. В этом же письме он с гордостью рассказывал Арескину, как ему удалось «обстряпать дельце». Он указал в таможенных документах, что коллекция обошлась всего лишь в 3000 гульденов. Все прошло исключительно удачно. Господин Бейс поверил ему на слово, когда Клермонт сказал, что коллекция состоит из одних только редкостей. Правда, Бейс настоял на том, чтобы один ящик открыли в присутствии таможенной службы, но одного ящика из сотни ему было достаточно⁶³.

Этот рассказ Клермонта прекрасно согласуется с версией Себы, который писал, как он и Клермонт договорились «обсудить с генералом таможенного ведомства стоимость кабинета» и попросили его проявить снисхождение, так как «речь шла о кабинете Рюйша, предназначенном для царя», после чего он послал «двух младших таможенников осмотреть и освидетельствовать кабинет»⁶⁴. Себа не позволил им открыть все ящики и предложил выбрать какой-нибудь один. Это был ящик № 53, в котором находились одни лишь кораллы. Увидев их, таможенники были удовлетворены. Ящик тотчас же в их присутствии закрыли, и больше они ничего не открывали и не осматривали. Себа заплатил эти двум младшим таможенникам 25 гульденов, чтобы они представили своему генералу «аккуратный» отчет. Позднее они еще раз зашли к Себе сообщить, что они отчитались перед генералом и что тот будет удовлетворен, если Себа укажет, что стоимость груза составляет 3000 гульденов. Что и было сделано. Груз, предназначавшийся лично для Арескина, а именно ящики № 28, 29, 30 и 31, помеченные буквами «R.A.», был включен в эту сумму. В ящике № 28 находились книги от пастора Клермонта и заказанное Арескиным белье. В ящиках № 29 и 30 были большие вазы японского фарфора, раньше стоявшие в комнате Себы, а теперь купленные у него Арескиным за 600 гульденов. В ящике № 31 — небольшой шкаф-кабинет коричневого дерева из Индии и ваза из особого фаянса, купленная в Виго (Испа-

61 Письмо Клермонта Р. Арескину. 12 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 16–17 об.

62 Письмо А. Себы Р. Арескину. 18 марта 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 86–86 об.

63 Письмо Клермонта Р. Арескину. 12 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 16–17 об.

64 Письмо А. Себы Р. Арескину. 7 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–74.

ния). Себа выражал надежду, что все это благополучно будет доставлено в Петербург, равно как и вина, в покупку которых он вложил столько труда, стараясь приобрести только самые лучшие.

Письмо с указанием отправить ящики с «*antropogenia*» в Любек, датированное 2 мая 1718 г., Рюйш получил только 3 июня 1718 г. 7 июня он отвечает Арескину, что кабинет уже полностью погружен. 53 ящика, пронумерованные от 1 до 53, находились на корабле «Юфрау Анна Мария» под присмотром шкипера Яна Питерса Веттевогела, и 47 ящичков без нумерации вместе с винами и другими заказами Арескина, а также с товарами для Придворной и Адмиралтейской аптек в Санкт-Петербурге — на корабле «Город Кенигсберг» под присмотром шкипера Вибе Сиверса. Поскольку погрузка была уже полностью завершена и Себа не знал, в каких именно ящиках находятся «*antropogenia*», он не мог ничего забрать с корабля обратно. Ничего уже нельзя было изменить, но Себа надеялся, что с Божьей помощью груз будет доставлен в полном порядке. В Петербург направлялись только два корабля, поэтому он не смог разделить груз на большее количество частей. Себа все застраховал в соответствии с полученными указаниями, со следующей почтой он отправил счет и коносаменты. Корабли дожидались конвоя и благоприятного ветра. Коллекция Рюйша посылалась в 98 ящиках. Номера 99 и 100 — это ящики с книгами, которые Себа адресовал Арескину: один ящик был из Франции, другой — от господина Ван ден Бурга⁶⁵.

Из Петербурга Шумахер написал Себе, что Арескин доволен его действиями и что все надеются на благополучное прибытие анатомического кабинета Рюйша⁶⁶.

Царь становится членом Французской академии наук

Через несколько месяцев один из членов Французской академии наук умер, так что 22 декабря 1717 г. Петру было предложено вступить в академию. Царь принял это предложение, и секретарь Бернар ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) написал 13 января 1718 г. ответное письмо, в котором благодарил царя, соблаговолившего стать членом академии⁶⁷.

В Париже Дюверней продолжал настаивать на своем и слал письма в надежде получить от Арескина несколько препаратов Рюйша. Поскольку он в свое время пообещал соорудить шкаф для хранения препаратов Рюйша с написанными поверху золотыми буквами словами благодарности Арескину, теперь и Арескин обещал сделать такой же шкаф для препаратов, которые ему пришлет Дюверней, но с иной надписью: «*Labore et studio Domini Douverney*» — «Трудом и пылливостью господина Дювернея».

65 Письмо А. Себы Р. Арескину. 7 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–74.

66 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 13 июня 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 92 об.

67 Письмо Б. Фонтенеля Петру (?). 13 января 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–1 об.

«Это обеспечит Вам известность и уважение не только среди иностранцев. Вся Россия поймет, что Вы — самый умелый специалист в данной науке <...> Мы в этой стране усиленно занимаемся естественной историей, — писал Арескин. — Я по приказу царя послал доктора Шобера⁶⁸ в экспедицию, и теперь он производит тщательные исследования в Казани и Астрахани и шлет нам подробные отчеты. Другой сейчас направляется в Сибирь с той же целью. Царь велел также объявить по всему царству свой приказ, обязывающий его подданных приносить все найденные необыкновенные вещи и всех родившихся уродов. У нас уже есть хороший запас таких предметов. Это говорит о том, господин, что мы стараемся наверстать упущенное нашими предшественниками, пренебрегавшими самой увлекательной частью наших исследований. Я вам что-нибудь пошлю, как только это будет возможно»⁶⁹.

Другому своему французскому корреспонденту, графу д'Онз-ан-Бре, Арескин писал с большим удовольствием⁷⁰. Он спрашивал графа, верит ли он до сих пор тому слуху, который распространился по Франции несколько месяцев назад, о том, что царь умер и что всех иностранцев в России прикончили, и не потому ли граф до сих пор не ответил ему на его письмо⁷¹. Обыкновенное извинение графу не помогло бы, так как Арескин знал точно, что д'Онз-ан-Бре его письмо получил, так как на письмо другому французскому корреспонденту, прилагавшемуся к письму графу, он уже получил ответ. «Или, — спрашивает Арескин, — вы, быть может, сердитесь, что я до сих пор не прислал вам препаратов из коллекции Рюйша?»⁷² Он заверил д'Онз-ан-Бре, что это зависит не от него. Поскольку вся коллекция была упакована еще до его возвращения в Амстердам, он не мог рыться в ящиках в поисках предметов, которые были предназначены для графа.

«И наконец, господин, напоминаю вам о моем обещании, что они упадут к вам этим летом одновременно со всеми книгами, которые здесь напечатаны с начала правления царя <...> Мы уже не так ленивы, как вы полагаете. Вскоре вы узнаете из наших работ, что мы используем все сред-

68 Готлиб Шобер (ок. 1675–1739).

69 Письмо Р. Арескина Ж.-Г. Дювернею. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 81 об.

70 Письмо Р. Арескина д'Онз-ан-Бре. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 82 об.-83.

71 Начало 1718 г. было временем страхов. Все послы направляли в столицы своих государств пугающие сообщения (Вебер, де Би, Плир, де Лави) в связи с жестокой расправой царя с царевичем Алексеем. См.: Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1991 (переиздание книги, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1882 г.); *Eekman Th. Seven years with Peter the Great: the Dutchman Jacob de Bie's observations // Peter the Great and the West. New perspectives / Ed. by L. Hughes. Basingstoke, 2001. P. 221.*

72 Письмо Р. Арескина д'Онз-ан-Бре. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 82 об. — 83.

ства для исследования природы. Для этого мы послали мсье Шобера в Казань и Астрахань, как вы узнаете из копии прилагаемого письма. Почти каждый день нам доставляют прекрасные редкости, выполняя указ царя под страхом смерти сдавать все то, что кажется курьезным [curieux] или что рождается уродливым [monstrueux]. Не буду рассказывать вам о произведенных здесь изменениях правил престолонаследия⁷³. Газеты сообщают вам об этом не хуже меня»⁷⁴.

Прибытие кабинета Рюйша в Петербург

В начале июля 1718 г. кабинет Рюйша прибыл в Петербург. По крайней мере, та его часть, которая была погружена на корабль капитана Веттевогела. Эту часть кабинета Шумахер временно разместил в большом зале дома Арескина. Там стояли ящики, запечатанные печатью таможенного инспектора. Шумахеру стоило большого труда получить разрешение на перевозку кабинета в дом Арескина, так как таможенный инспектор во что бы ни стало хотел узнать, что находится в ящиках. Шумахер писал, что «показал ему каталог на латыни, составленный Рюйшем, но и после этого инспектор знал ровно столько же, сколько и до того»⁷⁵. В конце концов «граф П. Толстой по указу царя заставил инспектора снять с ящиков печати». П.А.Толстой предложил Шумахеру перевезти ящики в дом, «который был предназначен царем для размещения кабинета Рюйша, и указал корабль, чтобы доставить кабинет в указанный дом». Шумахер сообщал Арескину, что Толстой еще не отдал распоряжения отремонтировать этот дом. Он с беспокойством спрашивал Арескина, не следует ли открыть ящики, ведь «прошло уже почти два года с тех пор, как ящики были заколочены в Амстердаме», так что вполне можно предположить, что «в них развелись опасные животные [паразиты], которые в них обычно бывают»⁷⁶.

Шкипер Вибе Сиверс, перевозивший вторую половину кабинета Рюйша, 28 июля 1718 г. все еще не дошел до Петербурга, однако 8 августа 1718 г. Шумахер уже сообщал Себе о его прибытии. Шумахер был очень рад, что вся коллекция благополучно прибыла в Петербург.

«Лишь вчера мы принесли последние ящики с корабля Вибе Сиверса. Дело в том, что из-за выгрузки всего товара в Ревеле ящики перемешались. Судя по всему, кабинет Рюйша не пострадал, но это можно будет установить точно лишь после возвращения царя, который ожидается со дня на день <...> От радости царь обнял шкипера и дал ему 300 франков, когда узнал, что кабинет находится у него

73 Петр I лишил своего сына Алексея права престолонаследия в пользу младшего сына, четырехлетнего Петра.

74 Письмо Р. Арескина д'Онз-ан-Бре. 14 апреля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 82 об. — 83.

75 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 28 июля 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 98 об.

76 Там же.

на борту. Царь дал ему ордер на преимущество при прохождении таможи. Виттевогел честно заслужил свои деньги», — писал Шумахер⁷⁷.

Кабинет все еще не был распакован. 1 сентября 1718 г. Шумахер сообщил Арескину, что ничего еще не может сказать о состоянии кабинета Рюйша, так как не решился его открывать без соответствующего распоряжения Арескина⁷⁸, который находился вместе с царем вдали от Петербурга.

25 августа 1718 г. Петр указал дать «аптекарю Себе» деньги на оплату «анатомических вещей» и «сферы», купленных в Париже⁷⁹. Вечером 4 сентября 1718 г. (по русскому календарю) Арескин наконец-то вернулся домой. Он дал поручение Куракину оплатить то, что было куплено в Париже⁸⁰. Той же почтой Арескин отправил Себе письмо, в котором писал, что до сих пор еще не имел возможности ни осмотреть кабинет Рюйша, ни открыть ящики, которые Себа прислал лично ему. Но главная информация заключалась в том, что Арескин дал поручение Куракину передать Себе деньги за анатомические препараты из воска и за сферу, а именно 15 000 французских ливров, переведенных в голландские гульдены по обменному курсу на момент их пребывания во Франции⁸¹.

9 сентября (по голландскому календарю) Себа пишет Шумахеру, что 8 сентября 1718 г. получил от него письмо о благополучном прибытии двух кораблей с кабинетом Рюйша и прочими материалами в Петербург. Он считает нелепым предположение Шумахера насчет комиссионных, которые он, Себа, якобы просит у Арескина за посредничество в приобретении кабинета Рюйша. Ему не надо никаких комиссионных, он помогал купить коллекцию и отправил ее в Россию с удовольствием и бескорыстно. Но, — продолжал он, — принятие решения о 2000 гульденов, которые ему еще причитаются за его собственный кабинет, он «полностью предоставляет Арескину. Как тот решит, так и будет»⁸².

10 октября Шумахер снова пишет А. Себе о том, как они с Арескиным рады, что анатомический кабинет прибыл в Петербург без ущерба. Он благодарит Себу

77 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 8 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 99 об. — 100.

78 Письмо И.Д. Шумахера Р. Арескину. 1 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 103.

79 «По положенному при сем письму доктора Арескина отдайте в Амстердаме аптекарю Зебе для перевода в Париж на заплату за анатомические вещи, которые, будучи в Париже, подрядил оный доктор Арескин сделать по договору за девять тысячу французских ливров [да за] сферу, которая там же зделана за шесть тысяч французских ливров <...> итого за пятнадцать тысяч ливров ефимками по расчету что надлежит». Письмо Петра неизвестному адресату от 25 августа 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Л. 85–86 об.

80 Письмо Р. Арескина Б.И. Куракину. 5 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 105 об. — 106.

81 Письмо Р. Арескина А. Себе. 5 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 106.

82 Письмо А. Себы И.Д. Шумахеру. 9 сентября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 253–254.

за тщательную упаковку коллекции. Единственное, что его огорчает, — это отсутствие среди присланных вещей портрета самого Рюйша⁸³.

В написанном позднее письме к царю Рюйш сожалел, что не спросил за свою коллекцию 60 000 гульденов⁸⁴ — сумму, в которую все оценивают ее. Тогда он получил бы наверняка 40 000 гульденов. Но, как честный человек, он держит данное слово⁸⁵.

Хорошо продуманный импорт культуры

В литературу о Кунсткамере давно вкралась ошибка, которую упорно повторяют разные историки, а именно о том, что царь решил купить коллекции Себы и Рюйша во время своего пребывания в Амстердаме⁸⁶. Может показаться, что это не имеет никакого значения — купил ли он их, будучи в Амстердаме в декабре 1716 г., или до того. Несколькими месяцами раньше или несколькими месяцами позже — какая разница! Разница велика, так как одно дело, если царь побывал в Амстердаме в гостях у Себы и решил купить его кабинет, и другое дело, если он, засыпанный письмами Себы, в конце концов поручает своим приближенным в Петербурге заказать этот кабинет в Амстердаме. Читая формулировку «находясь в Амстердаме, царь купил кабинет Себы», представляешь себе сцену, подобную описанной в книге Сью Таунсенд «Мы с королевой», в которой дочь японского императора в лондонском бутике поспешно (так как ее лимузин плохо припаркован) показывает на то, на то и на то и покупает все, что надето на манекен в витрине,

83 Письмо И.Д. Шумахера А. Себе. 10 октября 1718 г. // СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 109 об. В 1741 г. в Кунсткамере имелся портрет Себы, написанный Георгом Гзеллем: «Balthazaris Sebae Pharmacopoei Amstelodamensis celeb. imago manu Gsellii picta. alt. 2 ped. 16 unc., lat. 2 ped. 10 unc». (Musei Imperialis Petropolitani [MIP] volumen II, pars prima, qua continentur res artificiales. Sint-Petersburg 1742, 156, nr. 23). Однако портрета Рюйша там не было.

84 Сразу после продажи своей коллекции царю Фредерик Рюйш взялся за составление новой. Поскольку достать человеческий материал было трудно, он сделал акцент на демонстрации сосудов растений. После его смерти в 1731 г. эта коллекция была продана на аукционе. В аукционном каталоге (Ruysch Fr. Catalogus musaei Ruyschiani...) перечислено также несколько анатомических препаратов. Амстердамский коллекционер Адриан Декнателъ купил некоторые из них на аукционе, что и было отмечено в его аукционном каталоге, называвшемся «Каталог повсеместно известных кабинетов, состоящих из изящных анатомических препаратов, среди коих препараты проф. Ф. Рюйша <...> собранные и оставленные в наследство господином Адрианом Декнателем (Deknatel Adrianus. Catalogus van de aloem beroemde kabinetten... 1765). Неясно, идет ли здесь речь о новых препаратах, изготовленных Рюйшем после 1717 г., или о препаратах, по каким-либо причинам не отправленным в Петербург. Также неизвестно, были ли посланы в Россию шкафы. В «Тезаурусах» Рюйша описано 9 шкафов. Относительно шкафов с № 3 по № 9 указано, из какого дерева они сделаны и сколько в них полок, что может послужить отправными точками для поисков в Петербурге.

85 Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. академии наук / Пер. с фр. яз. Василия Костыгова. [СПб.], 1779. С. 110.

86 Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом СПб., 1862. Т. I. С. 53.

на который она хочет походить. Эксклюзивные модели она не примеряет, она не смотрит, как и что ей подходит, она их покупает. Она покупает и вечернее платье, и пальто, и туфли, и все это в трех вариантах цвета, имеющихся в бутике⁸⁷. Прекрасный пример подражания и импорта культуры.

В России XVIII в. слепое подражание и бездумный импорт культуры тоже не были редкостью⁸⁸. Однако покупка коллекций ни в коем случае не была бездумным подражанием: это был тщательно продуманный импорт культуры. Петр действовал не в порыве чувств, он совершал продуманную покупку. Находясь в Амстердаме в 1697–1698 гг., он под руководством Николааса Витсена⁸⁹ основательно познакомился с богатыми амстердамскими коллекциями. Если до поездки в Амстердам он коллекционировал только разные виды оружия, то в Амстердаме у него проснулся интерес практически ко всем предметам, собранным в амстердамских кунсткамерах. Покупая препараты млекопитающих, птиц, рыб, насекомых, раковины, минералы и анатомические образцы, он руководствовался целью приобретения знаний. Он считал, что, знакомясь с ними, можно будет приобрести «в натуральной истории систематическое понятие»⁹⁰. Хотя Петр знал, что может представлять собой такая коллекция, какую ему предлагал Себа, аптекарю потребовался почти год, чтобы убедить царя купить ее. Это становится ясно из переписки между Амстердамом и Петербургом. Царь купил коллекцию в январе 1716 г., почти за год до того, как познакомился с Себой лично, что произошло в декабре 1716 г. В отличие от информации, содержащейся в большинстве исследований, коллекции Себы и Рюйша не были куплены одновременно. Себа предложил царю купить его кабинет натуралий (*naturalia*) и диковин (*curiosa*) 7 июня 1715 г. Он сделал это по собственной инициативе после благополучного завершения эпопеи с его первой поставкой медикаментов в придворные аптеки. Коллекция Себы была куплена 10 января 1716 г. и прибыла в Петербург 19 августа того же года, задолго до того, как царь собрался посетить Голландию во второй раз. Петр начал приготовления к поездке в октябре, а прибыл в Амстердам в декабре 1716 г. Что же касается коллекции Рюйша, то пробные образцы из его коллекции Себа купил для царя еще 24 апреля 1716 г., более чем за полгода до приезда Петра в Амстердам.

При покупке коллекции Рюйша ситуация была существенно иной, чем при покупке коллекции Себы. Царь подробно осмотрел ее еще в сентябре 1697 г.⁹¹

87 Townsend S. *The queen and I*. L., 1993. P. 175–176. Русский перевод: Таунсенд С. *Мы с королевой*. М., 2002.

88 См.: Речь на тему «Импорт культуры и изменение контекста. О русской литературе XVIII века», произнесенная Й. Клейном при вступлении в должность профессора русской литературы в Лейденском университете в 1993 г. (*Klein J. Cultuurimport en contextverandering. Over de Russische literatuur van de 18e eeuw*. Rijks Universiteit Leiden, 1993).

89 В тот год Н. Витсен занимал пост бургомистра.

90 Из «Рассказов о Петре Великом» А. Нартова. Цит. по: Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук... С. 17.

91 О возможно точной дате см.: *Bekker B.B. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Rome, 1962. P. 95.

Насчет Арескина, некоторое время учившегося в Лейденском университете, неизвестно, был ли он уже знаком с этой коллекцией, когда он вместе с царем посетил Рюйша в 1716–1717 гг. От кого исходила инициатива приобретения коллекции Рюйша, также остается неясным. Переписка, хранящаяся в Архиве Российской академии наук, не является полной, и дошедшие до нас письма не дают ответа на этот вопрос. Формулировки, используемые Себой, оставляют открытыми обе возможности: либо Шумахер и Арескин поинтересовались у него, насколько осуществима идея приобрести препараты Рюйша, либо Себа первым запустил пробный шар. В любом случае из писем становится ясно, что Себа сыграл большую роль в осуществлении этой покупки: он взял на себя финансовые риски и принимал деятельное участие в описании, упаковке и отправке коллекции в Петербург.